Л. С. Баранов.

Афанасий Никитин — первый русский путешественник в Индию.

[„Хождение за три моря".]

ое областное литературное издательство
1939 г.

амф. Доб. Ники...
91 и

ПРОВЕРЕНО 1954

ПРОВЕРЕНО
1986

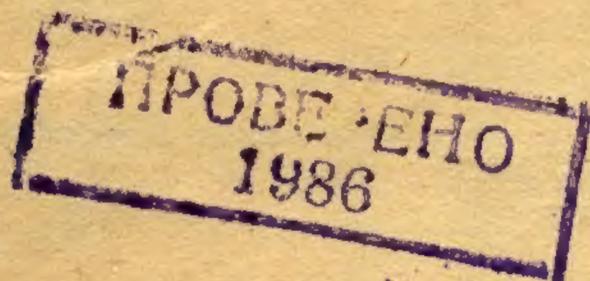
1963 год

Проверено 1966г.

акт 10,08 — 06

02

Л. С. БАРАНОВ

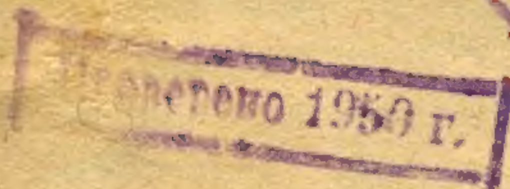

АФАНАСИЙ НИКИТИН

— ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПУТЁШЕСТВЕННИК В ИНДИЮ

(„Хождение за три моря“)

Калининское областное литературное издательство

гор. КАЛИНИН 1939 год

Ответ. редактор Н. И. Знаменская
Техн. редактор Е. Е. Шарев
Ответ. корректор В. А. Ливанов
Обложка и иллюстрации художника Б. А. Новоселова
Сдано в набор 21/VII—39 г.
Подписано к печати 7/X—39 г.
Печатных листов $2^{5}/_{8}$
В печатном листе 35.840 знаков
Учетно-авторских листов 2,35
Бумажных листов $1^{5}/_{16}$
Формат бумаги 62×94
Издательский № 26
Тираж 5.000
Уполн. Калининского обллита № Б-99670
Заказ типографии № 1786
Отпечатано в типографии „За коммунизм“, гор. Лихославль

ВСТУПЛЕНИЕ.

С начала XV века Русь отказалась платить татарской Орде дань,—по рублю с двух сох. Но золотоордынские ханы не переставали требовать дань, а вступить со своим войском вглубь Руси опасались. Подходил конец двухвекового рабства, разорения и обескровливания Руси.

После тяжких годин медленно, с трудом начинала складываться новая жизнь. Еще земля делилась на удельные княжества, но уже наметился процесс образования единого русского государства.

Над сознанием русского народа господствовала религия. Церковь была государственной силой. Образование было связано с религиозным культом и находилось в руках духовенства. Книги существовали в ту пору хотя и не исключительно, но по пре

имуществу религиозного содержания. Грамоту знали духовенство и государственные чиновники, да и то не все.

На особом положении на Руси находилось купечество.

Купцы Новгорода Великого, Твери и Москвы вели оживленную внешнюю торговлю. Они вступали в общение с народами других стран (среди которых были и такие, где культура стояла выше, чем на Руси), знали их языки, наблюдали не русские обычаи. Профессиональный минимум требовал от купца грамотности. Многолетний опыт вырабатывал у торговых людей Руси навыки государственных мужей, весьма полезные при сношениях с иностранными государствами, чем пользовались Москва и Тверь.

Несомненно, что многие русские купцы стояли выше людей других сословий удельной Руси по своему духовному развитию, по знаниям, по широте умственного кругозора.

Купцом из города Твери был Афанасий Никитин. Ему принадлежит честь совершения первого и самого дальнего русского „заморского“ путешествия, о котором сохранился письменный памятник.

Переходя через земли нескольких государств, переплывая моря с опасностью для

жизни, подвергаясь порою ограблению, Афанасий Никитин достиг Индии. Он был первым русским путешественником в Индию.

Во время путешествия Афанасий Никитин вел дневник. Эти его записки открывают перед нами личные качества представителя Руси XV в. Этот старый документ рассказывает нам о замечательных свойствах русского человека.

Из дневника мы узнаем, что Афанасий Никитин, несомненно,—личность незаурядная, человек одаренный, культурный, выдающийся в своей среде. Его ум пытлив и любознателен, интересы его обширны и не узко профессиональны, он настойчив, тверд и предприимчив, он общителен и добродушен, он не страдает высокомерием и презрением к другой народности с иной верой, он гуманен и ищет справедливости и при всем том он предельно скромен. А рядом со всеми этими качествами Афанасия Никитина стоит его великая, идущая из сознания и из сердца любовь к отчизне, родине своей, к Руси и русскому народу.

„Невольное уважение вселяют к себе такие люди старой Руси,—писал академик Срезневский,— и, вероятно, мы найдем их со временем не мало, когда будем искать с любовью

к действительным достоинствам людей,... не забывая о времени когда они жили".

Записки Афанасия Никитина открыл русский историк Карамзин и оценил их высоко. Он писал: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших описанных путешествий в Индию принадлежит России... Это путешествие доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей (европейские торговые путешественники), менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых, что индейцы (индусы) слышали о ней (о России) прежде, нежели о Португалии Голландии, Англии. В то время как Васко-де-Гама лишь мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, нащ тверитянин уже купечествовал на берегах Малабара и беседовал с жителями о догматах их веры".

Записки Афанасия Никитина на Руси пользовались большим вниманием. Их переписывали, ими интересовались русские купцы и князья. Народ, узнав из «Хождения» Афанасия Никитина об индийской стране, сложил о ней былинные песни, которые пелись от реки Оки до Онегоозера. Записки Афанасия Никитина найдены в нескольких списках русских летописей. В России они были широко обнародованы в начале XIX века,

но в царской России Афанасий Никитин, этот подлинный герой старой Руси, не нашел должного признания.

Накануне четырехсотлетия путешествия Афанасия Никитина, в середине прошлого века прозвучало горячее слово академика Срезневского в защиту заслуженной славы Афанасия Никитина. И на этот раз царская Россия скудно реагировала; журналы напечатали буквально по нескольку десятков строк, издательства выпустили одну—две листовки и на том дело ограничилось.

Афанасий Никитин нашел свое действительное признание у народа в стране Советов. Для нас Афанасий Никитин—великий, замечательный, отважный путешественник; он нам вдвойне близок за то, что в свой век он посетил сказочную страну Индию не с мечом, а с посохом, не как враг, а как друг индусов.

В прошлом Русь не соревновалась с Португалией в деле заморских открытий, но мы теперь твердо знаем и высоко ценим тот факт, что не западно-европейские путешественники, а русский первый посетил и своею рукой описал древнюю Индию.

Не за литературное достоинство следует ценить записки Афанасия Никитина. Они сде-

ланы наспех, в пути, они—черновик, но в том их особое достоинство как документа, передающего непосредственное впечатление от разнообразных и значительных событий. И надо помнить, что свое путешествие Афанасий Никитин совершает не как представитель государства, обязанный дать отчет, а как частное лицо. О сколь большом уважении к знанию, значению его для общества говорит добровольное стремление Афанасия Никитина закрепить для современников и потомков дела не обычные, жизнь в странах «за горами» и «за морем». Подобная активность грамотного и просвещенного человека разве не является выражением действительной культурности представителя древней Руси—Афанасия Никитина?

Афанасий Никитин, оставив после себя записки, увеличил знание, просвещение на Руси.

В своем дневнике Афанасий Никитин пользовался живым русским разговорным языком, и хотя в целом записки литературно не обработаны, они отлично передают все особенности и своеобразную красоту древнерусской речи.

Литературное наследство, оставленное Афанасием Никитиным, заслуживает внима-

ния современного читателя потому, что это цельный и редкий документ нашей древней истории, а также и потому, что оно полно интересного содержания.

«Записки Афанасия Никитина, — писал академик Срезневский, — памятник в своем роде и для своего времени в такой же мере единственный и важный, как и «Слово о полку Игореве».

Афанасий Никитин вышел из удельной Твери; в Твери он родился, но ничем он не обнаруживает узко удельного, тверского патриотизма. Издалека, единой родиной он Русь называл; не за дробление, а за объединение русской земли он стоял. И в этом он сближается с гениальным автором «Слова о полку Игореве».

Свой опыт и свои знания Афанасий Никитин посвятил всему русскому народу, называя его—«братья русские».

В СТАРОЙ ТВЕРИ.

Середина XV века. Удельная Русь. Русь былинная. У впадении Тверцы и Тьмаки в Волгу разросся город Тверь.

Среди русских городов он имел средний возраст и было ему за полтысячу лет. Уже два с половиной века Тверь — центр независимого феодального княжества.

В Твери сидел князь с титулом «великий», как величал себя и князь московский. При сравнении с Москвой в глазах иностранцев Тверь выигрывала. Компензе писал, что «город Тверь при знаменитой реке Волге весьма обширен и гораздо пространнее и великолепнее самой Москвы».

Тверь строили наследники знаменитых суздальских каменщиков, бежавших в Тверь из разоренной татарами Суздали. Затьмацкий и загородный посады знали улицы с

переулками, заселенные ремесленниками. Литейщики и кузнецы помогали создавать волжский флот тверитян, снабжая его якорями и барочными гвоздями. Оружейники и пушкари имели в своей среде Никулу Кречетникова: «таков бяше тот мастер яко и среди немец не сыскать такого». Тверские мастера - серебрянники создавали художественно ценные украшения и посуду из серебра. И еще было много профессий, удовлетворявших потребности всех классов феодальной Твери; тут медяница, кузнец и железник, бронник, стрельник и сагайдачник, ножевник, седельник и рукавичник, игольник, швей и однорядочник, кожевник, терличник и мошонник, вощесник, румянечник и гребенник и уж, конечно, плотники и всех видов мастера изделий из дерева и горшечники.

Торговая площадь раскинулась на юг от «города», начинаясь прямо у стен тверского Кремля. Сюда на торг съезжались холопы-сбои, доверенные бояр-помещиков, посадников и купцов-богатеев, шел горожанин, ехали крестьяне, к базарному дню сюда спешил кочующий купец-коробейник. В торговых рядах сидели тверские «торговые люди»; товар местный и иноземный был выложен на лавки.

А в устье Тверцы и в заволжской части Твери стоял неменьший людской гомон. Только заглянувши в эти места, человек начинал понимать, в чем источник силы, богатства и политической крепости древней Твери. У берега трудно было найти места, свободного от лодок и парусных судов. Рыба? Да, рыбы в Волге было много. Но главная масса кораблей была занята торговлей.

Тверь выросла на скрещивании, в центре пучка речных путей. На все четыре стороны, по удобным водным путям с небольшими волоками на водоразделах шли от Твери большие торговые дороги. Тверь торговала с Великим Новгородом по Тверце и реке Мсте; река Вазуза сближала Волгу с Днепром, откуда открывалась дорога в Киев—в южную Русь, а через Смоленск шла дорога на Западную Двину—в литовское княжество и немецкие земли. Из Твери шел наиболее короткий и безопасный путь на Владимиро-Суздальский и Московский «Низ». По реке Шоше и ее притоку Ламе тверские суда плыли в Москва-реку. Многоводная Волга связывала Тверь с рынками Востока.

В Тверь наезжали иноземные купцы из Польши и Литвы, нередко приезжали восточные «гости». Основную же долю внешней тор-

говли Твери держало в своих руках тверское купечество, люди опытные, бывалые. Тверские «гости» ходили в Литву, в Крым, доходили в «Заморье», т. е. в Малую Азию, бывали в Царьграде.

На тверском рынке особенно ценились «халяпские»—восточные ткани: шелковая камка, шерстяная зуфь, бумажная бязь и готовые изделия: кушаки и «фата», турецкие ковры, чуня валошская; доходным и редким товаром были перец индийский, сахар из Персии, шафран из Сирии, ладан из Аравии, а также драгоценности: алмазы Индии, жемчуг наш северный, Новгородский и более дорогой из «Гурмыза», камни: сердолик и яхонт. Но все эти товары в Крыму и даже в «Заморье» приходилось брать не из первых рук, по дорогой цене. А потому дойти до Персии, Закавказья и Средней Азии, где товар дешевле и его много, всегда было мечтой русского торгового гостя. Благо есть отличная торговая дорога—Волга. Но этот путь загорожен; на большом протяжении Волга течет среди владений татарской Золотой Орды.

Орда еще существовала, как жестокая властительница Руси. Редкое трехлетие Русь не видала на своей земле набеги татар-

ских насильников. Но Орда слабела, а Москва крепла. Земли тверского княжества лежали между Литвой и владениями московского князя. Тверской князь Борис Александрович и его сын и последний тверской князь Михаил Борисович обязались «быть на Орду, ляхов, Литву и на немцев» заодно с московским князем.

ГОЛОВНОЙ ГОСТЬ.

До Твери скоро дошла весть о том, что к московскому князю Ивану III прибыл посол от ширванского хана. Его корабль с берегов Закавказья переплыл Каспийское море и, поднявшись вверх по Волге, прибыл во владения Москвы. Весть далее гласила, что князь московский шлет своего посла, наверное, с «поминками» и «запросами» к ширванскому хану (так, обмениваясь подарками, торговали властители стран).

Тут же тверитян обрадовала новость — московский князь своим послом в Ширван назначил тверского купца Василия Папина Значит, тверские «гости» в почете были не только дома, но и в союзной Москве.

Событие важное! Там, где пройдет посольский корабль, пройдут и купеческие корабли. Плыть в караване с послом безопасней — посла сопровождает стража.

В Твери начались сборы торговых людей в море Хвалынское (Каспийское). Дело опасное, риск большой, но удачное возвращение сулило обогащение. В «дело» старалась войти феодальная знать, кредитуя купцов натурою (товаром); богатые купцы слали своих приказчиков; средние и мелкие купцы становились „складниками" и слали одного или нескольких „товарищей". Готовили на продажу меха собольи, горностаевые, рысьи, беличьи, черные лисы, добрую белку; шили на продажу шубы собольи, горностаевые, куньи, рысьи, из лисьих горл, шили шапки лисьи, сшивали „портища" из собольих и горностаевых мехов. Готовили „рыбий зуб" (моржовые клыки) и живой товар—северных соколов для охоты, очень ценимых на Востоке.

Тверские купцы везли с собою на продажу товар и не столь дорогой, и были это: ножи, топоры, седла, уздечки, кошельки, стрелы, луки, иглы, зеркала, холсты и одежда льняная и суконная.

Следовало умом пораскинуть и о тверском „подарке" ширванскому хану. По обычаю, приобретая такой подарок, сам хан его оценивал и купцы могли рассчитывать получить тем больше, чем более по вкусу придет-

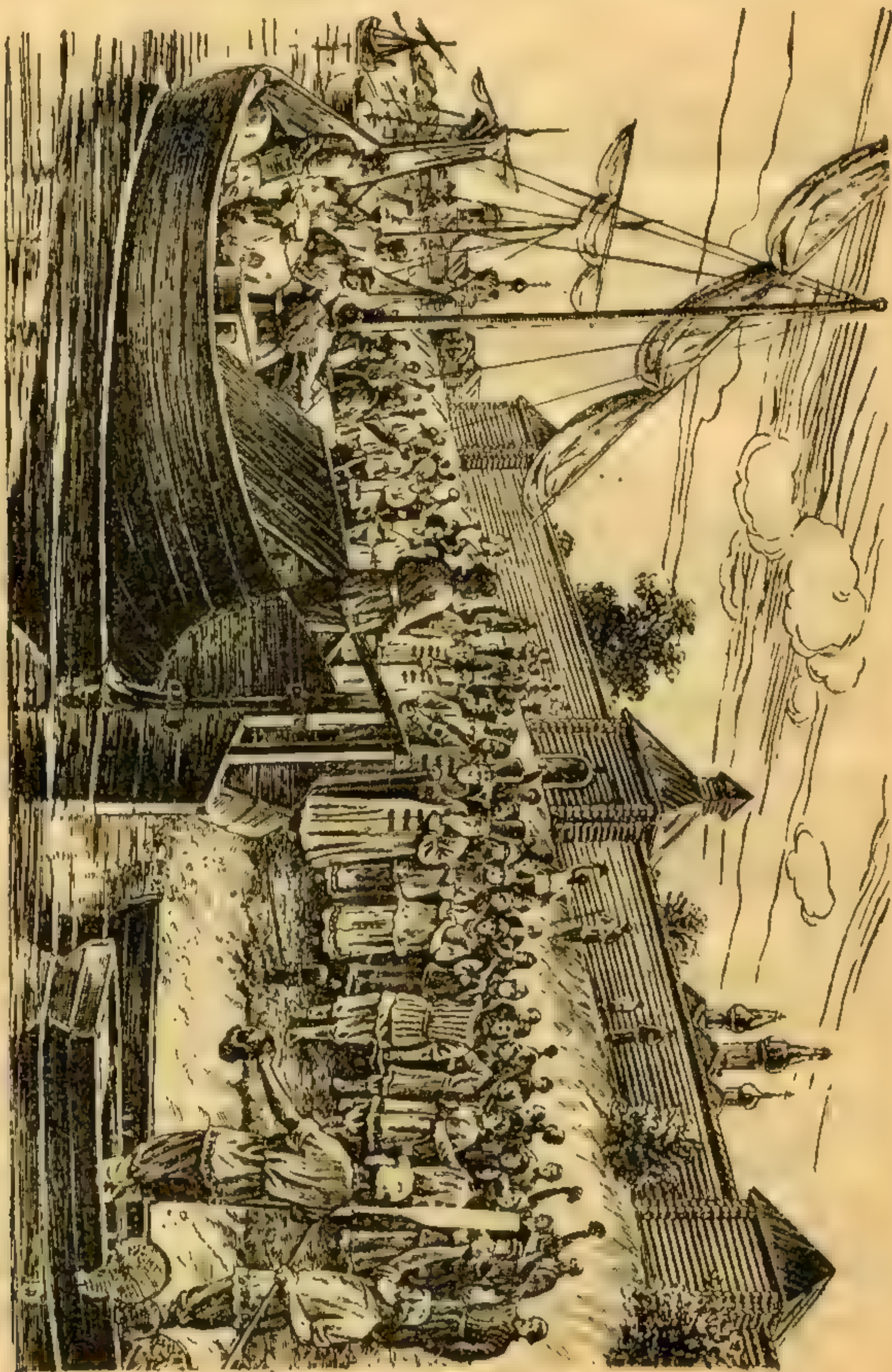
ся „подарок“ владетелю Ширвана. Брали в „подарок“ лучшие экземпляры самого дорогого меха—соболей-одинцов, подбирали дорогую утварь: серебряные чары с черпальцами, блюда, золотые ковши и кубки, выбирали шубы лучшие. По обычаю «подарок» должен состоять из девяти предметов. Вся эта драгоценная и прочая «рухлядь» грузилась на корабль.

Для мелкой расплаты на рынках Ширвана и в других татарских землях каспийского побережья купцам в казне тверского князя наменяли медных тверских денег с надписью на татарском языке имени тверского князя— «Михайла Тефериджи». Тверской монетный мастер Арефьев чеканил эти деньги.

Сборы подходили к концу. Привели на корабль корову для прокормления купцов в пути. На полупалубе метались в кошелке куры, запасенные впрок; у них на шеях на ниточках подвешены раскрашенные камешки с дырочкой; это были «куриные боги»,— авось от падежа спасет!

Семь тверских „гостей“ приготовились к от‘езду.

Опасности торговых путешествий делали купцов полувоенными людьми, они умели владеть мечом, луком и огнестрельным оружием. Поэтому внешний вид семи тверских

Семь тверских „гостей“ приготовились к от'езду. (17 стр.)

купцов скорее напоминал воинов. «Головой», старшиной и проводником между ними был Афанасий Никитин. Надо представить себе человека средних лет — 35-40, именно столько, сколько требуется, чтобы накопился опыт и знания в трудном и опасном торговом ремесле в средние века и когда силы еще позволяют совершать отдаленные поездки.

Подобное путешествие привлекло к себе внимание людей всех кругов феодальной Твери. Великий князь тверской Михаил Борисович выдал Афанасию Никитину проезжую грамоту, тверской «владыка» Геннадий «благословил» едущих в «Спасе Златоверхом» — главном тверском соборе. Проводить корабль пришли бояре, богатые купцы, посадники,—ведь их корабль, их товар, их деньги. А зрелище отплытия корабля «за море» собрало ремесленный и прочий городской люд.

Так в 1466 году отплыл тверской корабль в дальний путь, а его головной «гость», бывалый проводник—Афанасий Никитин начал свое замечательное путешествие, помимо его воли закончившееся только через шесть лет.

Корабль поплыл «на низ Волгою». Прошли Углич и в Костроме получили проезжую грамоту московского князя. Отсюда поплыли на «плес» в Нижнем Новгороде. Тут

уплатили таможеннику «мыто» с товаров и «костки» с торговых людей. А наместник московского князя в Нижнем Новгороде, видя великокняжескую проезжую, гостей «пропустил доброволъно».

На беду тверитяне немного опоздали, и московский посол Василий Папин уже проехал. Решили ждать загостившегося в Москве ширванского посла, чтобы проситься к нему в караван. Здесь же на «плесе» стоял корабль московских купцов, также собравшихся ехать «за море» и ожидавших посольский корабль.

Через две недели приехал посол, нагруженный московским княжеским подарком— 90 кречетами для соколиной ханской охоты. Он взял оба русских купеческих корабля с собой в караван.

За Нижним Новгородом Волга текла по вражеской земле. По пути лежали татарские города и более мелкие селения. В опасных местах караван судов отстаивался днем в прибрежных камышах, а плыли только под покровом ночи. Но и само плавание по Волге таило опасности; на крутых поворотах, где течение ускорялось, было легко сесть на мель, тогда и татарам легче захватить суда.

Плыли по Волге уже свыше месяца. Жизнь на корабле была полна труда и напряженной бдительности. Чтобы ускорить движение вниз по Волге, садились на «гребки», при попутном ветре поднимали парус. «Котел путной» в час еды делил тверитян по два, по три человека. Это разделение по «котлам» распространялось и на судовую работу: на веслах «котел» Ивашки, рысковой якорь пошли заносить «котел» Евсея и т. п.

С судов не раз видели на низком берегу Волги татарские кибитки на колесах и много скота. Тогда на судах голоса умолкали. Страх и гнев рождались одновременно, вспыхивала вековая ненависть к грабителям, поработителям Руси. И невольно шла на ум тверская песня-былина о татарине Щелкане Дудентьевиче:

«...Втапоры млад Щелкан,
Сына своего заколол,
Чашу крови нацедил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия;
А втапоры царь Азвяк
За то его пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою.

. . . .

Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,
Царские невыплаты:
...У кого денег нет,
У того дитя возьмет;
У кого дитя нет,
У того жену возьмет;
У кого жены нет,—
Того головой возьмет».

Благополучно прошли мимо Казани, прошли и Сарай, столицу «Золотой Орды». Караван судов в'ехал в Бузань (один из рукавов Волги, который вытекает в 50 клм. выше Астрахани).

Вдруг к берегу под'ехали три татарина, они стали уверять, что астраханский хан Кайсым узнал о проезде «гостей» и хочет их ограбить, что он стережет купеческие суда со своей ордой в 3000 человек.

Им поверили. Ширванский посол роздал им «по однорядке и по куску полотна» и просил безопасно провести мимо Астрахани. Татары взяли подарки, осмотрелись, выведали, что им надо, и сами же «дали весть хану в Астрахань».

Выждав ночь и подняв паруса, плыли корабли мимо Астрахани, но месяц светил слишком ярко и татары заметили их.

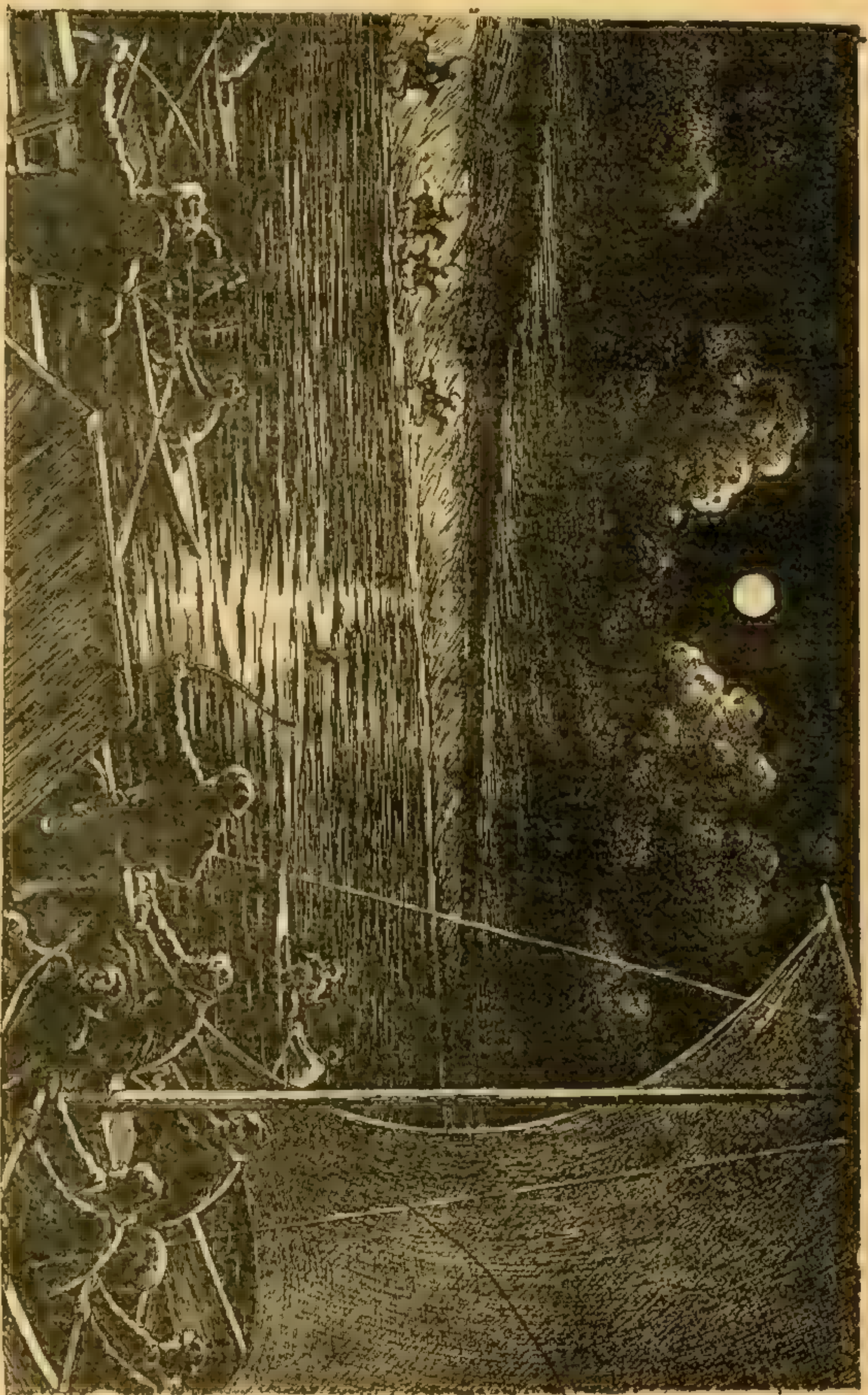
Татары закричали: «качма» — не бегайте, и начали погоню с берега на конях и по воде в лодках. Татары стреляли и убили одного русского; русские ответили стрельбой и убили двух татар.

В ночной темноте тверской корабль наскочил на рыболовную заставу и был захвачен татарами вместе с товарами. Но Афанасий Никитин со своими товарищами успел спастись и пересесть на посольский корабль. На захваченном корабле была «рухлядь» Афанасия Никитина.

Посольский и московский корабли продолжали уходить, они уже дошли до выхода из Волги в море, как корабль московских купцов сел на мель. Подоспели татары; разграбили товары и взяли в плен четырех русских. Когда ограбленные русские купцы заявили о желании вернуться домой, то татары их «вверх не пропустили», чтоб не распространилась весть о нападении.

В Хвалынское море вышли два судна, одно посольское и другое московское, на котором разместились тверитяне и москвичи. Афанасий Никитин остался на посольском корабле.

Желто-мутная громада вод Хвалынского моря дышала тяжело. Корабли бежали с распущенными парусами, зарываясь в гребни

Татары стреляли и убили одного русского; русские ответили стрельбой и убили двух татар. (23 стр.)

могучих волн. Но вот ветер усилился, волны стали набегать все чаще, поднимать корабль все выше. Разыгралась буря — „фуртовина". Слабые корабли были во власти стихии, и волна разбила московский корабль о каменистый берег. К счастью, все люди спаслись и вышли на сушу. Поблизости стоял городок Тарки; из него набежали горцы-кайтаки и захватили в плен всех русских, потерпевших кораблекрушение.

Посольский корабль благополучно перенес бурю и пристал к Дербенту. Тут Афанасий Никитин увидал корабль русского посла Василия Папина, который «поздорову пришел». Афанасий Никитин стал хлопотать о спасении пленных тверитян и москвичей; он «бьет челом» Василию Папину и ширванскому послу, чтобы «печаловал о людях», пойманных кайтаками под Тарками И он добился успеха. Ширванский посол ездил «на гору» к властителю Ширвана. Ширванский хан послал гонца к шурину своему Алиль Бегу, кайтакскому хану с просьбой отпустить русских, собрать разграбленный товар и прислать к хану, потому, говорил хан, что русские люди «посланы на мое имя, а что тебе будет надобе ко мне пришли и я тебя своему брату за то не стою».

Кайтакский хан велел отпустить пленных; их привели в Дербент, а оттуда в столицу Ширвана, в Кайтул. Туда же отправился и Афанасий Никитин. Люди освобождены из плена, это хорошо, но если не вернуть «корм» и то немногое из товаров, что осталось от ограбления под Астраханью и что теперь отняли кайтаки, будет очень тяжко на чужой стороне. Афанасий Никитин пришел с товарищами к хану Ширвана; они «били ему челом, чтобы пожаловал чем дойти до Руси». Но хан «не дал ничего», видимо, сам захотел поживиться легкой добычей, поделив остатки русской «рухляди» со своим шурином. В ответ на мольбу русских он об'яснил свой отказ тем, что тут малой помощью не отделаешься, «або вас много», сказал он. «И мы заплакали», вспоминает Афанасий Никитин. Что делать? Первая забота добыть хлеб насущный. И вот одни «остались в Шемахе» «иные пошли работать к Баке».

В эти тяжелые дни не у всех русских участь была одинаковой. Тяжка доля русского „гостя“ в чужой стороне, когда у него нет средств к жизни и он бесправен и беззащитен. Но, собрав самые необходимые запасы, купец стремился на родину, где он надеялся на перемену счастья. И, действитель

но, как только представилась первая возможность вернуться на Русь, так те товарищи Афанасия Никитина „у кого что есть на Руси, тот пошел на Русь“. “А тот кто должен тот пошел куда его очи понесли“. Ведь невозвращение долга, независимо от причины, влекло наказание тюрьмой—«ямой» и даже продажу в кабалу—рабство Таким должником, купцом приказчиком, торговавшим чужим товаром, полученным в кредит, был Афанасий Никитин. Здесь, на чужбине, он должен оставаться до тех пор, пока не накопит ценности, равные его долгу. Только тогда он может возвратиться на Русь с чистой совестью, свободным человеком. Сколько для этого надо времени и сил? Он пережил много, но в будущем его ждала жизнь в неведомых странах, с неизведанными опасностями. Он начал писать дневник своего путешествия,— повесть о проведенном, об узнанном.

Рассказав в дневнике о своих странствиях с момента отправления из Твери, изложив историю нападения татар, он записал, что пошел работать в Дербент и оттуда в Баку...

Казалось, вот сейчас мы прочитаем о личных переживаниях Афанасия Никитина, ведь они, наверное, были для него не легкими в первые месяцы жизни в чужой стране и без

средств. Но нет, о себе он не написал ни слова. Зато в Баку он отметил в дневнике поразившее его явление морского прилива,— «а поимает его (Баку) море по дважды в день». И еще записал он, что в Баку «горит огонь неугасимый», — это были бакинские подземные газы, зажженные случайно и ставшие предметом поклонения секты огнепоклонников.

Так скромность Афанасия Никитина, нежелание показывать себя, выгодно отмечает его дневник, где предельная краткость и точность описаний характеризуют организованность и ум его автора.

Афанасий Никитин горевал, что остался без книг, так как те «книги есмя», что «взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, они (татары) и их взяли». Какие это были книги? Одну из них он назвал, это был календарь. Сын своего времени, он отдавал дань религии; без календаря он боялся ошибиться в определении дня пасхи и путался в днях скоромных и постных. Позднее, когда путешествие затянулось, календарь ему стал необходим для точного указания времени важнейших событий, свидетелем или участником которых был Афанасий Никитин. Свыше шести лет, то-есть с начала и до конца своего путешествия, Афанасий Никитин по памяти вел счет дней.

„ХОЖДЕНИЕ“ ЗА МОРЕМ.

Торговля была основной, хотя, может быть, и не единственной профессией Афанасия Никитина. Он мог быть ремесленником и купцом. Ремесленники нередко временно становились торговцами по сбыту своих изделий. Иные из них подолгу оставались торговыми людьми, если способности и торговая удача этому благоприятствовали. Факт обремененности долгами и история путешествия Афанасия Никитина позволяют с несомненностью установить только, что Афанасий Никитин, не обладая собственными средствами для торговли, вместе с тем был знающим и опытным купцом. Очутившись в беде, Афанасий Никитин ищет источник существования в доходах от торговли. Его путешествие с торговой целью идет по великим сухопутным и морским путям Европы и Азии, как это было у араба Ибн Батуты и венецианца Марко Поло.

Видимо, не удовлетворившись положением

в Закавказьи, Афанасий Никитин из Баку «пошел за море», на каспийское побережье Персии, в Чобокар. В Персии Афанасий Никитин идет от города к городу, придерживаясь главного караванного пути. В городах он останавливался по месяцу, а в зимнее время задерживался и на более долгие сроки. Так, он посетил города Сари, Амоль, Демавей, Рей, Кашан, Иезд, Керман, Тарун, Бендер, Лар и вновь вернулся в Бендер, то-есть пересек Персию с севера на юг и вышел к берегу Индийского океана.

Афанасий Никитин сухо описывает путешествие по Персии; перечисляя пройденные города, он добавляет, «города не все писал, много городов великих». Значит, не писал, хотя было о чем написать. Почему же не писал? Скупость записей персидского дневника, видимо, отражала плохие результаты усилий Афанасия Никитина. Персия в дни путешествия Афанасия Никитина еще не вполне оправилась от страшных опустошений, причиненных ей полвека назад завоеванием Тамерлана; большинство крупных городов было разрушено, много жителей перебито и продано в рабство. Наследники Тимура продолжали ограбление страны. В такой обстановке торговля упала.

Афанасий Никитин находился в Персии больше двух лет, а желательного ему накопления все еще не было. Его настроения особенно ярко проявляются в общерусские праздники, которые он вынужден проводить на чужой стороне. Он записывает в дневник, что вспоминает Русь, тоскует о родине.

Но вот из Бендера он переезжает на остров «Гурмыз» (ост. Ормузд) и картина в глазах Афанасия Никитина резко меняется. Здесь все иное, не похожее на все то, что он видел в остальной Персии, даже природа не та. «В Гурмызе есть солнце варно, человека с‘жжет“. И, действительно, природа наделила эту часть земли такими свойствами (палящий зной, бесплодная почва, отсутствие растительности и источников пресной воды), чтобы решительно воспрепятствовать жизни человека. Но, вопреки этому, здесь на острове у морского берега вырос большой город, потому что остров расположился при выходе из Персидского залива в Индийский океан и лежал он на кратчайшем пути из Индии к устью Тигра и Ефрата — дороге к Малой Азии и Европе. Власти города брали не малую пошлину с проходящих кораблей, а в городе выросли склады товаров. Богатства

Ормузда родили легенды! Значение и славу этого порта заметил еще Ибн Батута, который отнес его к числу пяти величайших портов мира в середине века.

После унылой картины разрушений и упадка городской жизни в материковой Персии Афанасий Никитин увидал город, в котором жизнь била ключом. И он нашел необычайно краткую, но полную выразительности характеристику этого «города мира»: „Гурмыз пристанище великое, всего света люди в нем бывают и всякие товары в нем есть; что на всем свете родится то в Гурмызе есть все. Пошлина же велика, десятое со всего емлють“.

Крупнейшей статьей торговли Ормузда служил жемчуг. Афанасий Никитин на родине знал о существовании „Гурмызского жемчуга“, а находясь в „Гурмызе“, он уточнил место ловли жемчуга: „в Катобагряине (т. е. на о. Бахрейн), где ся жемчуг родить“.

Отсюда Индия далеко, за морем, но она была и близко. Жизненные интересы и мысли большинства населения Ормузда были связаны с Индией. Индия занимала умы купцов «семи климатов», посещавших Ормузд. В этот водоворот торговых страстей и проектов был вовлечен и Афанасий Никитин.

Весь мир ценит качества арабских коней; в Индии лошадей не разводят (а те, что есть, очень малого роста), но в армию правителей Индии требуется много коней. Перевезти лошадь через океан дело нелегкое. Но кто сумеет уберечь при перевозке коня, того ждет в Индии прибыль в десятикратном размере.

Афанасий Никитин живет в «Гурмызе» месяц. Он колеблется. Ведь расходы в Индии и на переезд—велики. От прибыли может ничего и не остаться? На эти сомнения, высказанные вслух, ему «сказывали», что в Индии «всего много .. на Русь товару». И Афанасий Никитин решается ехать в Индию. Он покупает жеребца на продажу в Индии. Прошли два с половиной года мытарств в Персии и только теперь впервые родилась надежда на возможность отработать долг. Так желание Афанасия Никитина вернуться на Русь уводило его все дальше от Руси.

Предстоял переезд второго моря, моря Индии. Индийские и арабские суда, плававшие по Индийскому океану, не отличались ни крепостью, ни удобствами. Известно, что такие бывалые путешественники и опытные моряки, как братья Поло, не решились вверить свою жизнь этим судам, нередко построенным без гвоздей.

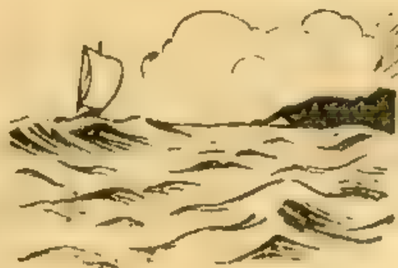
Индийские тавы (название индийских кораблей) были беспалубными лодками с одним парусом, с невысокими, плохо скрепленными бортами; в них товар клали на дно, застилая его кожами, а поверх ставили до 10—20 лошадей; люди размещались между лошадьми. Перегруженному до предела слабому судну в неспокойном Индийском океане каждую минуту грозила гибель.

Иного пути нет, и Афанасий Никитин «пошел есми за море Индейское, по велице дени в радуницу, в таву с коньми». Это было 10 апреля 1469 года.

Афанасий Никитин знал от людей практикой добытые сведения о заморских странах и в книгах о том же читал. Не слышал Афанасий Никитин, чтобы до него кто-нибудь из русских в Индию «ходил».

Афанасий Никитин сознает свою ответственность первого «гостя» в Индии. С приходом в неведомую страну в нем загорается жадная пытливость; он наблюдает за продолжительностью дороги, портами и городами в пути, подмечает новые для него обычаи людей и порядки в государстве, сам знако-

мится и расспрашивает других о богатствах страны и ее торговле. С мастерством купца-разведчика он обращает внимание на главное. В свой дневник Афанасий Никитин записывает названия, цифры и описания. В роли первого русского в Индии Афанасий Никитин оказался на высоте своего положения.

В ИНДИИ.

Из Ормузда «шли в таве есмя шесть недель морем до Чевиля». «Тут есть Индийская страна!»—записал Афанасий Никитин. И далее дневник его начал быстро расти, отражая впечатления от большой новизны и необычности явлений, открывшихся перед его взором.

В Чевиле Афанасий Никитин вышел из тавы и вступил на индийскую землю. Огляделся тут же на берегу и видит:

...«мужики и женки» ходят «все наги», только фота (кусок невыкроенной материи) на бедрах, и босы, у мужиков «голова не покрыта», «волосов не бреют», а у «женок» «груди голы», «голова не покрыта, а волосы заплетены в одну вервь», «все ходят брюхаты... детей у них много», «паробки и девочкы ходят наги до семи лет и сором не

покрыт». Двинулся от берега к городу, а сам все смотрит:... «все черны»,—потом записал он и еще добавил: «яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются белому человеку».

В городе он встретил индусскую знать; „у бояр фота на плеще, а другая на бедрах".

„Хан же ездит на людех", изумился этому Афанасий Никитин особенно потому, что у этого вельможи не только „людей много", но и „коней у него много добрых". Люди несли вельможу в специальном ложе (напоминающем современную кровать) для переноски знатных особ, а сзади для большей пышности вели богато украшенных коней без всадников.

А эти кто такие? Одеты в кафтаны, все на конях, люди и кони в доспехах. И узнал тут Афанасий Никитин, что Индия под властью монгольских завоевателей. Сто с небольшим лет назад сюда, в южную Индию, в Декан они пришли из Средней Азии и Афганистана, покорили много земель и до последних дней продолжают воевать с индусами, расширяя границы своего царства. Султан магометанин и подбирает своих приближенных и основное войско свое из магометан, выходцев из Афганистана, Персии или Аравии. Афанасий Ни-

китин всех их называет одним именем— „хоросанцы". „Во индейской земли", по словам Афанасия Никитина, „княжат все хоросанцы и бояре все хоросанцы". Это „хоросанцев" на конях и в доспехах видел Афанасий Никитин среди голых и босых индусов.

Афанасий Никитин много понял тогда, да и как было ему не понять после двух веков татарского ига на Руси. Чувства его в отношении к различным слоям населения Индии сразу определились. Старая ненависть к поработителям на Руси освежилась зрелищем произвола иноземцев в Индии.

За два с лишним года скитаний по Персии Афанасий Никитин приобрел навыки в персидском языке. Это облегчило ему общение с людьми в первое время его пребывания в Индии, поскольку среди завоевателей Индии знание персидского языка было не редкостью.

Из Чевиля Афанасий Никитин сразу отправился внутрь Индии, где условия сбыта, благополучно доставленного через океан коня, были несравненно лучше, нежели на побережьи; „пошли есмя сухом до Пали 8 дени, от Пали до Умри 10 дени, от Умри до Чюнеря 7 дени". Здесь путешествие было прервано наступившей тропической зимой: „еже день и нощь 4 месяца все вода да грязь".

„Зима у них стала с Троицына дени», а потому, пишет Афанасий Никитин, „зазимовали есмя в Чюнере“.

„Чюнер же град есть на острову на каменном“; говоря так, Афанасий Никитин, видимо, описывал „град“, как русский «град» или кремль, местопребывание правителя страны; «Ходят на гору» („в град„, построенный на скале) только днем по одному человеку, «дорога тесна, а двема поити нельзя“. Жил там хан Асат, наместник Чюнерского района, подвластного султану.

Хлопот по подысканию пристанища на зиму не было никаких, потому что в индийских городах для путешественников имелись гостиницы. Как о приятной новости Афанасий Никитин рассказывает: „В индейской земле гости ся ставят по подворием“ и «ести варят на гости и постелю стелють господарыни'. Здесь и поселился Афанасий Никитин.

В Чюнере едва не приключилась с Афанасием Никитиным беда. Прослышал чюнерский правитель о гощении иноверца Афанасия Никитина и приказал отобрать у него жеребца и „молвил“: „жеребца дам да тысячу золотых дам, только стань в веру нашу в Махметову, а не станешь в веру нашу Махметову и жеребца возьму и тысячу золотых

на голове твоей возьму“, т. е. пригрозил продать в рабство. „Срок дал 4 дени“.

Угроза страшная,—лишиться коня—последнего средства к жизни, и даже потерять свободу, превратиться в раба...

А если переменить веру? Став магометанином, он сравняется с теми, кто служит завоевателям Индии. Для них он будет желанным слугой. При его грамотности, умении владеть оружием не было сомнения, что его ожидала выгодная и почетная служба в рядах господствующего племени. Он может навсегда остаться в Индии и вкусить жизнь, хорошо обеспеченную. Соблазн был велик. Если бы Афанасий Никитин не был захвачен мыслью о родине, о возвращении на Русь, то, разумеется, он предпочел бы перемену веры грозившему ему разорению и рабству. Он сопротивлялся, казалось, в безнадежных для него условиях.

В последнюю минуту, когда срок, данный на размышление, истекал, в Чюнер приехал высший чиновник султана „хозяйочи (то-есть господин) Махмет-хоросинец“. Афанасий Никитин добился свидания с ним и просил у него заступничества; как он сам говорит: „бил есмя челом ему, чтобы ся о мне печаловал“. Этот „боярин“, узнав историю Афана-

сия Никитина, поехал к чюнерскому наместнику.

Кроме соображений о желательности привлечения бывалых людей из иноземцев на свою службу, была и другая политическая мудрость, а именно, нежелательность пугать купцов, потому что купцы приносят пользу султану, к примеру, снабжая его кавалерию конями.

Победил последний довод. „Махмет-хоросанец“ „отпросил мя“, заканчивает этот рассказ Афанасий Никитин и „в веру (магометанскую) не поставили“ и коня возвратили.

Что Афанасий Никитин ждал худшего конца, что он был далек до обольщения золотом, говорит то, что сам он готов был об‘яснить свое избавление „чудом на Спасов день“.

Страх от пережитой опасности был очень велик. Нетерпимость к иноверцам со стороны покорителей Индии, с которой хорошо познакомился Афанасий Никитин за годы пребывания в этой стране, заставила его воскликнуть: „Ино братие Русьтии христиане, кто хочеть поити в Индейскую землю ты остави веру свою на Руси, да въскликнув Махмета, да поиди в Гундустаньскую землю“.

Зима долго задержала Афанасия Никитина в Чюнере: „жили есмя два месяца“. При собственной вынужденной бездеятельности Афанасий Никитин наблюдал окружающую жизнь, весьма далекую от зимнего покоя: „В те же дени (т. е. зимою) у них орют да сеют пшеницу, да туртурган (хлебное растение), могут (горох), да все с‘естное“. Он узнает и записывает в дневник о том, из чего индусы приготовляют вино и брагу. Удивил Афанасия Никитина способ кормления коней в Индии; для них варят рис с сахаром и с маслом, а „по рану же дают шешни“, т. е. рисовые лепешки. «В индийской же земле кони ся у них не родят; в их земле родятся волы да буйволы, на тех же ездят и товар возят, все делают».

Зимою бедные индусы одевали „фоту на бедра, а другую на плечех, третью на голове“. А «князья» да „бояре“ тогда „вздеваютъ на собе портки, да сорочицу, да кавтан, да фота по плечем, да другою ся опояшеть, а третьею фотою главу обертить“.

Здесь, в Чюнере, Афанасий Никитин имел достаточно времени осмотреться, еще раз людей всех сословий в Индии поближе увидеть и он пришел к выводу, что индусские крестьяне крайне бедны, слабы и беспомощны, а

знать индусская и иноземцев завоевателей безмерно богата и неограниченно сильна. Афанасий Никитин записал в дневник: „сельские люди голы велми, а бояре сильны добре и пышны велми“. Этим замечанием он доказал, что умел видеть полюсы социальной лестницы: господ и работников. Он не только наблюдал, но и об'яснял, давал оценку: азиатскую роскошь господствующей группы людей в Индии он об'яснил разорением и нищетою ограбленного сельского люда.

В Чюнере Афанасий Никитин сблизился с индийской женщиной. Она была одной из «господарынь» на «подворье», в котором жил Афанасий Никитин. Внимание этой женщины к себе он об'яснил тем что «занже их люди черны велми» и якобы поэтому индийские женщины «любят белых людей».

Наконец, дороги подсохли и Афанасий Никитин продолжал свое путешествие. Из Чювиля он пошел «к большому их граду» — к Бедеру; это расстояние в 40 ковав (ков равен 10 клм.) он прошел за месяц. Афанасий Никитин шел в густо населенной стране, кроме многочисленных сельских поселений, он проходил мимо многочисленных городов;

«промежю тех великых градов на всяк день (пути) по три града, а иной день и четыре грады; колько ков только градов».

Вот и город Бедер—цель стремлений Афанасия Никитина. Тут „стол Гундустану бесерменьскому", то есть столица завоевателя южной Индии. Династия Бехменидов, укрепившаяся здесь, существовала с 1347 года по 1526 год. Кроме того, в других частях Индии существовали царства и чисто индусские и магометанских завоевателей, так что Афанасий Никитин по ошибке принял Бедер за столицу всего магометанского Индустана. Но и то, чем владели Бехмениды, во много раз превосходило любое европейское государство тех времен и потому не удивительно, что столица этого большого царства— „град есть велик, а людей много велми".

Город Бедер окружали стены и ров; в восточной части города находился обширный кремль. В кремле жил султан во дворцах, украшенных скульптурными украшениями, высеченными из камней наружных стен. Здесь глаз поражали пестрые, яркие изразцы и блестящие краски. Вода, поднятая из глубоких колодцев прямо на крышу дворца, сбрасывалась оттуда каскадами, или по трубам шла в многочисленные фонтаны дворцового

сада.[3] На дворцовой площади стояла шестнадцатиколонная мечеть. Во дворце помещался суд.

Во внутрь кремля иностранцев не пропускали. Смотрел Афанасий Никитин на „султанов двор" издали и пришел в изумление: „двор же его чуден велми, все на вырезе, да на золоте и последний камень вырезан да золотом описан велми чюдно".

„В султанове же дворе семеры ворота. А в воротах седят по 100 сторожев да по 100 писцов кафаров (т. е. ученых индусов брахманов): кто поидет ино записывают, а кто выидет ино записывают". „Город же Бедер стерегут в нощи тысяча человек, а ездят на конех в доспесех, да у всех по светычу".

Сосредоточие в столице завоевателя массы паразитического элемента,—многочисленного войска и чиновников, материально хорошо обеспеченных и бездельничающих, порождало среди них интриги, произвол и распущенность и оказывало вредное влияние на зависимую часть населения города. Афанасий Никитин, приглядевшись к привилегированной части населения столицы, записал: „все злодеи, а женки все не честны, да ведь, да тать (вор), да ложь, да зельем господаря (мужа) морят".

„... все на вырезе, да на золоте и последний камень вырезан да золотом описан велми чюдно“ (стр. 45).
(Рисунок скульптурной стены Индийского храма XV века)

Видимо, такие свойства жителей столицы непосредственно и живым образом затронули Афанасия Никитина. Ведь он шел в Бедер, потому что „в Бедери же торг на кони, да на товар: на камкы, на шелк и на всякой иной товар», и продают в нем рабов («люди черные»), «да соястной все овощь». Не много товаров на руках Афанасия Никитина—один конь; „кормил есми его год, —рассказывает Афанасий Никитин,—и стал ми в сто рублев“. Зато прибавил конь в весе без малого два пуда. И вот, наконец, Афанасий Никитин мог записать в свой дневник: «а яз жеребца своего продал в Бедери“. Цены на коней в Индии в то время, в зависимости от района и качества лошади, колебались от 300 до 1.000 и более дукатов.

Тут обнаружил Афанасий Никитин, что „в Бедере... на русскую землю товаров нет“. „Мене залгали псы бесермены, сказали всего много нашего товару, ано нет ничего на нашу землю, все товар белой на бесерменьскую землю“. Это вызвало у него растерянность. Афанасий Никитин был плохо знаком с рынком в начале пребывания в Индии.

А в довершение ко всему Афанасий Никитин узнал, что на всех дорогах, ведущих из Индии на Русь, шли кровопролитные

войны, и там, где в мирных условиях путешествия не были безопасными, во время войны дороги становились непроходимыми. Афанасий Никитин с сокрушением пишет: „пути не знаю к кому (через какую страну) поити из Гундустана: на Гурмыз поити, а из Гурмыза на Хоросань—пути нету, ни на Чеготай пути нет, ни к Багдаду пути нету, ни на Катабогряин пути нет, ни на Иезд пути нет, ни на Арабистан пути нет; везде булк (смута, междоусобная война) стал; новые завоеватели местных князей везде выбил".

Живет Афанасий Никитин в Бедѐре и год, и два. Наученный в Чюнере осторожности, он старался не выделяться из толпы, и свою внешность приспосабливал к местным обычаям. В Бедере Афанасий Никитин подружился с местным коренным населением, с индусами. Их дружба родилась из взаимного уважения и доверия. Время и жизнь среди индусов сделали Афанасия Никитина обладателем махратского языка индусов. Перед своими друзьями-индусами он откровенно рассказывал о себе, своей вере, о Руси.

Оживала в рассказах Афанасия Никитина желанная, но далекая Русь. Русь дебрями окружена; леса таежные, дремучие, кудрявые и мшистые. Страшны болота топкие, но есть

цветущие поляны, просторные долины. Русь реками опоясана. На речных крутых берегах города стоят великие и малые, а по лесам все срубы деревенек. Земля-то вся по уделам расписана: — тверитяне „петуха на канате держат, чтобы на чужую землю не ходил“. А люди-то все русские и земля русская, только меж князей ладу нет. Вот и на Русь, как в Индию, пришли татары... К счастью, времена переменились, — бьется Русь с татарами, дань не дает и к себе не подпускает Любят на Руси песни и поют былины о чудо-богатырях. Зима придет, не грязь, а снег покроет дол и лес. Что, страшно? Нет. Весело! Тогда крепка дорога в лесу и на реке.

Общительность, соединенная с добродушием Афанасия Никитина, и общность судьбы и интересов его и индусов растопили лед недоверия у подозрительных индусов. Совершилось просто невероятное; индусы, освятившие религией замкнутость в своем быту, скрывавшиеся даже от своих соотечественников другой веры, допустили Афанасия Никитина в свою среду и открыли перед ним свой быт и религию, не скрывали от него своих жен и посвятили его в торговые дела Индии.

Не сразу и не легко далась Афанасию Никитину дружба с индусами. Сквозь обычную скромность в словах Афанасия Никитина сквозит радость перед достигнутым результатом его усилий, когда он пишет: „они же не учали ся от меня крыти ни о чем, ни о естве (еде), ни о торговле, ни о молитве, ни о иных вещех, ни жон своих не учали крыти“ (укрывать).

Дружба с индусами оказала Афанасию Никитину огромную услугу и открыла перед ним понимание глубин народной жизни в Индии.

Узнал Афанасий Никитин от своих новых друзей, что они „молятся каменным болванам“ и „все веруют в Бута“ (то-есть в Брахму). „А вер в Индеи всех 80 и 4 веры“ (столько было сект в Индии). Поклонники разных сект не едят вместе, не заключают браков.

Узнал Афанасий Никитин, что индусы не едят мяса; их еда: рис, вареный с маслом и молоком, морковь, вареная с маслом, и разная зелень; пищу принимают два раза в день. По обычаю едят они врозь, даже муж не ест вместе с женой; все едят правою рукою, „а левою не примется ни за что; ножа не держать, ложицы не знають“. „А ясти (есть)

же садятся, они омывають руки да и ногы да и рот пополаскивають". Когда индусы бывают в дороге, то каждый сам себе варит и для этого „у всякого по горньцу" (котелку).

Ненависть индусов к своим поработителям вылилась в острую форму презрения ко всему магометанскому, поскольку магометанство стало принадлежностью завоевателей и их наследников. Религия индусов освятила обычай скрывать пищу от глаз магометанина, якобы одним взглядом могущего осквернить ее. Афанасий Никитин пишет: „Индусы от бесермен крыются, чтобы не посмотрел ни в горньцу, ни в ествy; а только посмотрит и они тое ествы не едят". А на всякий случай, чтобы не вышло беды, все индусы во время еды покрывают платком пищу вместе с головой, „чтобы никто не видел его".

Когда индусы хотят здороваться или прощаться, то кланяются: „обе руки дотычють до земли, а не говорить ничего".

Узнал Афанасий Никитин, что когда у индуски родится дитя, то акушеркой служит муж („бабить муж"); «имя сыну даеть отець, а дочери—мати».

Если „кто у них умреть, они тех жгуть да пепел сыплють на воду", в реку.

Живя в чужой стороне, полной своеобразных особенностей, Афанасий Никитин подмечал не только новые для него бытовые черты народа и его нравы, мимо его взора не прошла и природа. Записал он, что поразили его змеи длиной в две сажени, которых он видел на улицах Бедера у дрессировщиков змей; на индийском небе он заметил, что полный месяц держится три дня.

Расспрашивал Афанасий Никитин своих друзей-индусов о торговых делах. Он все надеялся найти товар „на русскую землю". От знакомых индусов узнал Афанасий Никитин о ярмарке в индусском городе Алланде, расположенном от Бедера в 120 километрах. В обществе знакомых индусов он отправился туда. По словам Афанасия Никитина „в Индустанской земле той торг лучший"; в Алланд „с'езжалась вся страна индейская торговати, да торгують 10 дний... приводять коней до 20 тысящь продають; всякий товар свозять".

Вернувшись из Алланда в Бедер и, прожив там 4 месяца, Афанасий Никитин говорит, что он решил отправиться в другой индусский город, для чего он „свещахся с Индеяны поити к Парвати, то их Ерусалим".

Весной к Парвату, пишет Афанасий Никитин, „с'езжается вся страна индейская, с'ез-

жается всех людей бесчисленное множество". И тут же Афанасий Никитин добавляет о большой ярмарке у индусской святыни:— „торг у Бутханы — 5 дни". Сюда привлекли его торговые цели.

Месяц провел Афанасий Никитин в пути по дороге к этому городу,– не близок он был. Но вот и Парват. Пошел Афанасий Никитин поглядеть. При входе в ограду храма «со вся кыя голова» берут по две малых серебряных монеты, а с коня по 4 больших серебряных монеты. Во внутреннем дворе, где находятся храмы, посетители направляются к святыням верхом «на волех», «у них рога окованы медью, да на шее колокольцов 300, да копыта подкованы». За это тоже надо платить.

Размеры индийского храма привели Афанасия Никитина в удивление, «а Бутхана же велми велика есть с пол-Твери». На внешней стороне каменных стен храма «резаны по ней деяния Бутовы», «как Бут чюдеса творил, как ся им являлся многыми образы». Оказывается индусский бог перерождался, принимая образ то человека, то зверя. И видит Афанасий Никитин: вот изображен бог как человек, «первое человеческым образом являлся», а у следующего божества «нос слонов», а далее бог «образом лютого зверя».

Подошел Афанасий Никитин к главному изображению «Бута» он «вырезан из камени черного, велми велик, хвост у него», «а виденье (лицо) обезьанино». Этот бог «руку правую поднял высоко да простер акы Устьян царь Царьградскы (на статуе в Царьграде), а в левой руце у него копие, а на нем нет ничего, только бедра у него обязаны ширинкою». Звали этого бога Хануман. Тут же вырезаны „женки Бутовы с соромом и с детьми“.

«Перед Бутом же стоит вол велми велик, вырезан из камени черного, а весь позолочен». Богомольцы «целуют его в копыто и сыплють на него цветы».

Афанасий Никитин знал от своих знакомых индусов, что они чтут вола и корову, «индеяне же вола зовут отцем, а корову матерью». А что это за бог в образе обезьяны? недоумевал Афанасий Никитин. Видел он обезьян в свите султана бедерского, обезьяна—божество индусов и обезьяна—герой замечательного индийского эпического произведения—Рамаданы.

Кто бы и как бы ни об'яснял Афанасию Никитину происхождение подобной «славы» обезьян, все это неизбежно должно быть фантастическим и сказочным. Так оно и вышло.

Услышал Афанасий Никитин, что «обезьяны то те живуть по лесу, да у них есть князь обезьянский», а у него есть войско; если кто поймает обезьян, или обидит их, «они ся жалують князю своему и он посылаеть на того свою рать, и оны пришед на град, дворы разволяють и людей побьють, а рати их сказывают велми много». Обезьяны говорить умеют — «язык их есть свой»; «детей родят много; да который родится ни в отца, ни в мать они тех мечють по дорогам». Индусы ловят этих обезьяночек, «учат их всякому рукоделию» и научают танцовать, продают их ночью, «чтобы взад не знали побежати».

Еще одну такую же быль небылицу слышал Афанасий Никитин на ярмарке в Алланде, что мол «есть в том Алянде птица гукук, летает ночи, а кличет гу-кук; а на которой хоромине сядить, то тут человек умреть», «а кто ея хочеть убити, ино у нея изо рта огнь выйдеть».

Из Парвата Афанасий Никитин вновь вернулся в Бедер, где вскоре начался магометанский праздник „улубагря" (байрам). Общее веселье вокруг подчеркивало одиночество Афанасия Никитина на чужбине. Уже прошло четыре года после его от'езда из Твери. Тоска по родине заставляла собирать

сведения о положении на дорогах, ведущих на Русь. И давно уже слухи эти были неутешительными для Афанасия Никитина.

Теперь война шла уже в самой Индии, как раз на дорогах из Бедера к морю. Что делать? Оставаться в Индии Афанасию Никитину было не легко, дороговизна жизни в Индии грозила поглотить всю его наживу: „А жити в Гундустане ино вся собина исхарчити, зань же у них все дорого; один есми человек ино по полутретия (2,5) алтына на день на харчу идеть», да и при этом человек сыт не бывает.

Но еще существовали какие-то надежды на лучшее «завтра» и Афанасий Никитин жил в Бедере. Здесь он видел торжественнный выезд султана в сопровождении чересчур многочисленнной и по-азиатски пышной свиты и множества войска. «На бессерменский баграм (праздник) выехал султан на теферич (прогулку), ино с ним 20 визирей великих». Афанасий Никитин так описывает процессию султана: Впереди идут боевые слоны числом до 300; слоны наряжены в „доспесех булатных“, а на спинах у них прикреплены боевые, окованные башни «городки»; «в городкех по шти (шесть) человек в доспесех, да с пушками, да с пищалями». У слонов «к зубам (клыкам)

привязаны великыя мечи, да к рылам (хоботу) привязаны великыя железныя гири». «Промеж ушей» слонов „сидит человек в доспесех, да крюк у него в руках „железной великой“; этим крюком человек управляет слоном.

Потом шла веселая часть процессии, в нее входили «верблюдов 100», на которых везли большие барабаны — «нагары»; за ними трубников 300, плясунов («плясцев») 300, столько же танцовщиц из султанского гарема, «да обезьян... 100».

Далее перед самым султаном выступал «благой» (бешеный) слон, он «весь в камке (шелке) наряжен, да обивает людей», для этой цели у него цепь, «велика железна во рте», «да обивает» ею слон «кони и люди», чтобы «кто султана не наступил близко».

И, наконец, предводительствуемый слугой индусом, скачущим с зонтиком, появлялся султан в дорогой одежде, верхом на коне, „да на султане кавтан весь сажен яхонты, да на шапке чичак алмаз великый, да 3 сабли на нем золотом окованы,— да сагайдак (лук) золот со яхонты, да седло золото». За султаном шла гвардия и войско «на конех 10 тысящь, а пеших 50 тысящь».

Подобные выезды „на потеху“ вовсе не были редкостью и Афанасий Никитин видел

их много раз. «Султан выезжает на потеху в четверг, да во вторник да три с ними возири выезжают». «А султанов брат со своей матерью и сестрою выезжает в понедельник».

О выезде брата султана Афанасий Никитин пишет: «брат султанов сидит на кровати на золотой, да над ним терем аксомитен (бархатный балдахин) на том тереме «маковица золота с яхонты, да несут его 20 человек». Брата султана сопровождают «два визиря», да слонов 50 в попонах сукняных, да по 4 человека на слоне сидят нагих, одно платище на бедрах». А за султановой матерью следует женская гвардия— «женок 2 тысящи на конех», а далее идут «женки пешие нагие».

А первый министр султана и его главный военачальник Мелик Тучар «сидит на кровати на золотой, да над ним терем шидян (шелковый) с маковицею золотою, да везут его на четырех конях в снястях золотых».

Тот, кто царствовал — султан, по словам Афанасия Никитина «не велик — 20-ти лет». Делами государства в завоеванной Индии управлял первый министр персиянин Мелик Тучар, он «боярин», „у него рати двести тысящь". В Индии, говорит Афанасий Никитин, «держат бояре, ...княжат хоросанцы, а воюют все хоросанцы».

Первый министр Мелик Тучар считал войну не последним своим делом, про него Афанасий Никитин знал, что он «бьется с кафары (индусами) 20 лет; то его побьют, то он побивает их многожды».

В год приезда Афанасия Никитина в Индию, а именно в 1469 году Мелик Тучар пошел походом для завоевания гористой и лесной страны на западе Декана. Через два года бедерские войска взяли главную крепость этой страны — Кельну, покорили и разграбили всю страну. После этого Мелик Тучар неожиданно напал на соседнее индусское Бижанагарское царство и овладел крепостью Гоа, одновременно являющейся крупнейшим портом на Малабарском побережьи Индии.

В 1471 году армия Мелик Тучара, захватив огромную добычу, возвращалась в Бедер. Султан выслал почетную стражу и визирей для встречи победителя еще до его в'езда в столицу; сам со своею матерью нанес визит Мелик Тучару.

Из разоренной страны победитель вывез «юк (вьюк) яхонтов, да юк алмазу, да 100 юков товару дорогово, а иного товару бесчисленно рать взяла». Тут же Афанасий Никитин делает любопытное наблюдение: когда

воины Мелик Тучара попытались продать свою добычу по своему усмотрению, то министр издал строгий приказ, запрещающий солдатам продавать драгоценности кому-нибудь, кроме его агентов.

Не прошло и года после возвращения Мелик Тучара из последнего похода, как султан задумал новую войну для покорения всего Бижанагарского царства, у которого он уже отнял город Гоа.

Новое выступление войск Мелик Тучара происходило на глазах Афанасия Никитина. «А рати с ним вышло 50 тысящь; кроме того, «султан послал рати своей 50 тысящь», «да три с ним возыря пошли, а с ними 30 тысящь, да 100 слонов с ними пошли с городкы да в доспесех, а на всяком слоне по 4 человека с пищалями».

Вслед за Мелик Тучаром «вышел султан и с ним 100 тысящь конницы и 100 тысящь пехоты, 300 слонов и с городкы да в доспесех».

Потом пошел брат султана и повел столько же войска, сколько у султана, только у него было слонов поменьше, всего 100. А вслед шли армии двадцати шести «хоросанских» визирей, каждая численностью в 50 тысяч и более. Наконец, шли четыре

индусских, подвластных султану, визиря с армиями из индусов по 150 тысяч человек. Тут случилась характерная история, подмеченная Афанасием Никитиным; султан, уходя со своим войском на окраину страны, всего более опасался возможного восстания подвластных индусов у себя в тылу, не потому ли «султан ополелся на индиян, што мало (войска) вышло с ними и они (визири) еще прибавили 20 тысящь пеших людей, две тысящи конных людей, да 20 слонов».

«Такова сила султана индейского, бесерменьского!» закончил Афанасий Никитин перечисление армии султана в походе.

Возможно, что Афанасий Никитин преувеличил численность армии султана. Афанасий Никитин мог знать весьма точно о высших военачальниках, отправившихся в поход; об этих лицах, в зависимости от их ранга (градоначальник, наместник района, министр-визирь) были довольно точные сведения о количестве войск, им подчиненных. Не имея других возможностей подсчитать султанское войско, Афанасий Никитин привел цифры армий военачальников, взятых султаном в поход. Поэтому сообщенные Афанасием Никитиным цифры войск могут быть уменьшены на количество необходимых в стране гарнизонов. Но

и после этого армия султана остается большой.

Эта вторая из описанных Афанасием Никитиным войн не была по его словам удачной. При осаде Бижанагара «стояла рать месяц и люди померли с безводья, да голов много велми изгибло с голоду». При взятии малого города за первой стеной «вырезали 20 тысящь поголовья мужского и женского» и взяли пленных взрослых и детей. Пленных продавали «по 10 тенек за голову, а иную по 5 тенек, а ребят по 2 теньки».

Центральную часть города не смогли взять, «а людей много изгибло, а казны много истеряли».

Афанасий Никитин заинтересовался военной тактикой в Индии и в особенности ролью слона в бою. До появления огнестрельного оружия значительных размеров и при господстве холодного оружия (меч, копье, стрелы) слон был страшным орудием войны—танком средневековья; защищенный броней от стрел и копий, руководимый опытным вожаком, один слон заменял в бою тысячу всадников. Кроме слонов, в войске султана была конница, которая состояла исключительно из привилегированного войска—«хоросанцев» и из пехоты, в которую

входили «голые и босые» индусы, вооруженные «мечом да щитом, или копьем, или луком со стрелами». Завоеватели берегли свою конницу и пускали в бой в первых рядах слонов и пехоту. Афанасий Никитин пишет: «а бой их: все слоны да пеших пускають наперед; хоросанци на конех да в доспесех и кони и сами»; слонов облачают «в доспех булатный», к клыкам слонов вяжут «великия мечи по кендырю» (два с половиной пуда), «да в городке по 12 человек в доспесех, да все с пушками да стрелами».

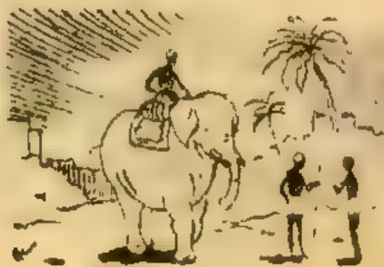
Господствующая религия в Бедере сделала еще одну попытку привлечь Афанасия Никитина на свою сторону. На этот раз форма внушения была иной, нежели в Чюнере. Не принуждением, а убеждением действовал некий магометанин по имени Мелик, он «мною (Афанасия Никитина) понуди в веру бесерменьскую стати». При этом не обошлось без дискуссии; Афанасий Никитин защищал свои убеждения, но Мелик оказался подготовленным богословом и инициативу в споре держал в своих руках. Афанасий Никитин привел в дневнике, нелестный для себя, вывод Мелика по окончании спора: «истину ты не бесерменин кажишся, а

хрестьянства не знаешь». Афанасий Никитин и на этот раз не уступил и магометанства не принял, но религиозный спор пробудил в нем новые мысли, и про себя он пишет: «аз же в многыя помышления впадох». О характере своих «помышлений» он умолчал.

В эпоху, когда жил Афанасий Никитин, на Руси пробудилось рационалистическое течение в духовной жизни народа. Разумеется, было еще весьма далеко до безбожия, но в результате рационалистических «ересей» XIV и XV веков, на Руси уменьшилось число покорной паствы церкви, а кое-кто из «рабов божьих» осмелился пересматривать сущность бога.

В религиозном споре на чужбине Афанасий Никитин изложил такие свои взгляды на религию, что магометанин Мелик нашел в них мало общего с догматическим христианством.

В своем мировоззрении Афанасий Никитин придерживался наиболее передовых и гонимых в его время умственных течений.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РУСЬ.

Минул пятый год странствий, и Афанасий Никитин «взмыслихся на Русь». Наконец, он пришел к решению, что дольше оставаться в Индии он не может. Доходы его таяли, хотя он прибегал к усиленной экономии даже в еде; так он пишет: «вина есми не пивал, ни сыты». И хотя попрежнему на всех дорогах на Русь шла война, Афанасий Никитин в начале 1471 года вышел из Бедера в обратный путь.

Направляясь к побережью Индии, Афанасий Никитин избирает новую дорогу. Видимо, задолго до оставления Бедера Афанасий Никитин усиленно собирал сведения о путях к морю и портах Индийского океана. О Калекуте—мечте португальских мореплавателей—Афанасий Никитин пишет:

«А Калекот же есть пристанище Индейского моря всего; а родится в нем перец... да корица, да гвоздика», инбир, благовония, мускусный орех, «да всякого коренья родится в нем много, да все в нем дешево».

Подобным же образом Афанасий Никитин описал индийские порты Камбай, Дабуль, Шабаит и Силян и персидский порт Ормузд. И только сведения о Китае и других отдаленных странах, собранные им в Индии, фантастичны.

Из Бедера Афанасий Никитин пошел на Кельберг и оттуда в Кулури. Не случайно Афанасий Никитин выбрал этот маршрут. О городе Кулури он пишет, что в нем родится ахик (драгоценный камень сердолик), там же из него изготовляют украшения и оттуда он расходится на весь мир. В Кулуре, по словам Афанасия Никитина, жило 300 мастеров-алмазников, выделывавших ювелирные изделия и украшавших оружие алмазами. Вполне вероятно, что Афанасий Никитин решил везти на Русь драгоценные камни и для того приехал в Кулури—ювелирный центр Индии, чтобы здесь искать случай купить их подешевле. Он прожил в Кулури «пять» месяцев.

Алмазы Индии имели мировую известность, и Индия долго служила монопольным рынком, снабжавшим мир алмазами. Кулури лежал в области важнейших алмазных копей Индии. Афанасий Никитин узнал от других, а может быть и сам побывал на одной из алмазных разработок, а потому смог записать в свой дневник: «алмаз же родится в горе каменной», затем он приводит цены за право разработки копей и цены на добытый алмаз: «алмаз продають почку ($^1/_2$ золотника) по пяти рублев, а доброго по десяти рублев». Различие же цен в зависимости от качества алмаза (алмаз «новой и старой копи», «алмаз черный и белый») Афанасий Никитин посчитал за свою торговую тайну и записал эту часть фразы по-персидски.

Из Кулури Афанасий Никитин ходил в город «Калики», где был «базар велми велик». А оттуда пошел в Аланд и, наконец, вышел к морю Индии, в портовом городе Дабуль. Тут он не задержался и чтобы второй раз переплыть Индийский океан «внидох на корабль и сговорих от головы своея два золотых до Гурмыза града дати».

Первый переезд Индийского океана для Афанасия Никитина прошел настолько благополучно, что он только записал счет дней

перехода моря. Зато вторичное плавание Афанасия Никитина через океан протекало неспокойно и едва не завершилось катастрофой. Началось с того, что слабый корабль, привычный к плаваниям вдоль побережья от порта к порту, был вынесен бурей в открытое море, где в течение месяца люди не видели земли («Не видах ничего»). В начале второго месяца ветер прибил корабль к берегам Эфиопии в Африке.

Разбойничьи нравы этого побережья хорошо знали моряки и путешественники и потому все на корабле подумали, что им здесь суждено «погибнути». Путешественники попытались откупиться и, спасая себя от насильственного ограбления, сами добровольно «много раздали ефиопам перца, риса и хлеба» и может быть потому «они (ефиопы) суда не пограбили». Простояв у африканского берега пять дней, корабль направился в Москат, куда пристал «через двенадцать дени», а еще через девять дней Афанасий Никитин высадился в знакомом ему Ормузде.

Теперь он спешил. С острова Ормузда он переехал на материковую часть Персии и пошел через города Лар, Шираз, Иезд, Исфагань, Кашан, «Куму», «Саву», в Султанию. Таким образом, Афанасий Никитин и в Пер-

сии шел не совсем по старой дороге, а на середине пути свернул в персидский Азербайджан.

Географический кругозор Афанасия Никитина был весьма обширен; велико число городов, которые он сам посетил, но запас его знаний хранил сведения и о таких землях, которые он явно не посещал во время своего «индейского» путешествия. Желая дать картину климата в жарких странах, Афанасий Никитин писал: «в Гундустане (Индии) сильного вару (жары) нет; силен вар в Гурмызе, да в Кятобагряине (о. Бахрейн в Персидском заливе), да в Джидде (в Красном море), да в Арабистане, да в Ларе, в Хоросанской земле варно да не таково, а в Чеготани велми варно; в Ширазе, в Езде, в Кашани варно да ветер бывает; в Гиляне душно велми да парище лихо, да в Шемахе пар лих; да в Вавилоне варно, а в Алепо (на Средиземном море) не так варно». Мало вероятно, чтобы Афанасий Никитин был на берегах Красного или Средиземного морей, но знакомство с природными особенностями этих мест говорит за неустанное накопление им знаний и желание закрепить их и передать другим.

Как Афанасий Никитин ни сокращал время остановок на обратном пути, но вместе с дорогой он пробыл в Персии более полгода.

Персия тех дней служила театром военных действий армии Асан Бега, до 1467 года владевшего землями в Закаспийском крае и сумевшего к 1472 году подчинить себе страны от Герата и Индии до Турции и Грузии. Покорив Азербайджан, Асан Бег устроил свою ставку недалеко от Тавриза в Султании. Туда-то и пошел Афанасий Никитин. В ставке он узнал, что Асан Бег начал войну с турками и послал для этого 40 тысяч войска и уже взял города Сивасть и Такот. Для Афанасия Никитина это означало, что путь через турецкие владения для него отрезан, потому он сокрушенно записал в дневник: — «Пути нет никуды».

Пробыл Афанасий Никитин в ставке Асан Бега 10 дней и неожиданно метнулся в Трапезунд — турецкий город на берегу Черного моря.

Он сумел дойти до самого города. Но стоило ему появиться у стен Трапезунда, как турецкие власти немедленно его задержали, обыскали, отобрали все вещи и отнесли их на просмотр «на гору», в крепость.

Сам Афанасий Никитин хорошо понимал причину такого отношения к себе; его, приехавшего из страны, воюющей с турками, встретили враждебно и заподозрили в нем гонца, везущего письма Асан Бега. Афанасий Никитин так и пишет в своем дневнике, «а обыскивали грамот, что есми пришел из орды Асан Бега».

Турки не нашли ничего подозрительного и пропустили Афанасия Никитина в город, при этом вернули ему мешок и дневник, а вот «что мелочь была добренькая они выграбили все».

«Мелочь» означает вещь малую по форме, она «добренькая», значит дорогая. Это не драгоценные ли камни, которые вез Афанасий Никитин на Русь, чтобы там возвратить себе свободу?

Но разве не знал Афанасий Никитин, куда он шел, что его в Турции ожидало? Знал. И все же пошел. Пошел потому, что сердцем и мыслью стремился на Русь. На Русь, любою ценой!

Вновь знакомая ему работа по Дербенту и Баку, за хлеб насущный и на плату за перевоз домой. Наконец, «на корабль приидох и сговорил на корабле дати золотой от своея головы до Кафы (в Крыму)». Нехвати-

«...Преидох же три моря: первое море Хвалынское... второе море Индейское.., третье море Черное.»

(стр. 73).

ло денег на еду и Афанасий Никитин занял у корабельного хозяина золотой с тем, что он вернет долг в Кафе. Из этого видно, что турки, как и татары, действительно «выграбили все».

Черное море встречало Афанасия Никитина не ласково. Противный ветер носил корабль 10 дней и вынудил его вернуться в Трапезунд и переждать непогоду. Простояв две недели, поплыли вновь; в пути «ветер нас встречает злый», пишет Афанасий Никитин,—«не дает нам по морю ходити». Пристали в Крыму к Балаклаве и уже оттуда подошли к Кафе. Афанасий Никитин, сойдя на высокий берег, мог с гордостью сказать, в самых малых словах выражая значение и грандиозность пройденного им пути: «преидох же три моря: первое море Хвалынское... второе море Индейское... третье море Черное».

Из Крыма вели две дороги на Русь, одна из них шла по Дону, или степью через владения Золотой Орды. И как раз в ту пору, т. е. осенью 1472 года, когда возвращался Афанасий Никитин, хан Золотой Орды Ахмат пошел со своим войском на русскую землю и на реке Оке русские бились

с татарами. Этот путь для Афанасия Никитина оказался закрытым.

Оставалась вторая дорога через русские земли, подвластные Литве. Афанасий Никитин пошел из Крыма на «Таманьский перевоз» и далее вверх по Днепру, в пределах литовского княжества. Этот путь издавна хорошо знали тверские «гости» и был он последним переходом Афанасия Никитина. Отсюда Русь близко!

Вспоминая свое путешествие по странам разных климатов, среди различных народов, в местах, разрушенных войнами, или полных жизни и цветущих, Афанасий Никитин, как бы подытоживая пережитое, писал: «а в Себастопольской губе да в Гурмызской земле добро обильно всем; да турецкая земля обильно велми, да в Волошской земле обильно и дешево, да и Подольская земля обильна всем. А русская земля—да сохранит ее бог! В этом мире нет такой прекрасной страны! Да устроится русская земля!»

Родная страна по праву и по чувству Афанасия Никитина была прекраснее других стран. Но вот почему хвалу Руси Афанасий Никитин записал по персидски? Разве любовь к Руси надо было от кого либо скрывать?

Да! Единая родина-Русь была еще только в умах лучших русских людей. Афанасий Никитин, рискуя быть обвиненным в измене, как подданный удельного тверского князя, выразил на бумаге, пусть на другом языке,— голос своего сердца,—хвалу и боль о Руси.

НА РОДИНЕ...

Историю жизни Афанасия Никитина дописали другие. Случилось это при следующих обстоятельствах: в Москву приехали купцы, возвращавшиеся из Литвы, были они попутчиками Афанасия Никитина, а стали его «зауморниками».

Они привезли весть о том, что Афанасий Никитин умер, оставив после себя записки о «Хождении за три моря».

Содержание дневников Афанасия Никитина привлекло внимание современников. Русь окружена вражеским кольцом на западе, востоке и юге и вот русский человек вышел за пределы этого вражеского окружения и увидел мир большой, неизвестный, полный жизни и событий, потрясающих своею новизной.

Политическая и деловая торговая информация, заключавшаяся в записках Афанасия

Никитина, раздвигала умственный горизонт русских людей. Современники Афанасия Никитина едва ли не впервые на Руси слышали верные и столь разнообразные и подробные сведения о Южной Азии и в особенности об Индии—стране, до того остававшейся достоянием сказок.

А в то же самое время в Западной Европе в мире торговых людей, ученых и политических деятелей немало говорили об Индии. Там ее искали в неисследованных морях. Слух об этом доходил и до Руси. Тем значительней в глазах русских показались дела Афанасия Никитина—ведь он «был в Индеи 4 года!» Русские по праву могли гордиться Афанасием Никитиным. Его открытия не могли для Руси иметь практического значения в смысле развития торговых и культурных связей с Индией, но личный подвиг Афанасия Никитина от этого не уменьшается.

Современники Афанасия Никитина посмотрели на его путешествие как на дело великое, имеющее на Руси общий и государственный интерес. В списке событий, которые надо сохранить для потомков, среди дел князей и народных судеб: войн и моров, под 1475 годом летописец записал в «Повесть временных лет»: «Того же году обретах на-

писание Офонаса Тферитина купца, что был в Индеи 4 года... Сказывают, что Смоленска не дошед умер. А написание то своею рукою написал. После его руки тетради привезли гости к Мамыреву Василию, к дьяку великого князя, в Москву». Далее в летописи следовал полный текст дневника Афанасия Никитина, даже с сохранением непонятных персидских слов и фраз.

А Западная Европа получила вести об Индии от португальца Васко-де-Гамы лишь через 23 года после путешествия Афанасия Никитина.

До родного города Твери, до родной страны Афанасий Никитин не дошел три сотни километров— сущий пустяк по сравнению с пройденным им путем. Но родина-Русь вспомнила его по делам его. Запись в дневнике, оборванную смертью Афанасия Никитина, дописал историк древности — летописец всея Руси.

Так славная жизнь сделала имя Афанасия Никитина знаменитым среди русских имен.

За ум, за высокие душевные качества, за дело жизни трудной, полезной и отважной, за любовь великую и преданность родине и русскому народу—слава Афанасию Никитину! Слава!

ПРИМЕЧАНИЕ *)

1. Сагайдак, сагадак, саадак —налучник, чехол на лук; это же слово употреблялось для обозначения всего прибора: лук с налучником и колчан со стрелами.
2. Сагайдачник— мастер, изготовляющий сагайдак.
3. Однорядка—долгополый кафтан, без ворота, однобортный.
4. Однорядчик — мастер по пошивке однорядок.
5. Терличник—тот, кто шьет терлик: род долгополого кафтана с перехватом и короткими рукавами.
6. Мошонник—работающий мошны: кожаные кошели, мешочек денежный на вздержке или с завязкой.
7. Рухлядь— пожитки, скарб; товар.
8. Румянечник — делающий румяна.
9. Бронник—мастер по изготовлению лат, панцыря, кольчуги, мастер, делающий брони и вообще доспехи, кузнец-оружейник.
10. Мыто— таможенная пошлина, собираемая с торговых людей за провозимый товар.
11. Костки — пошлина с торговых людей, а не с их товаров.

*) Значение первых девяти слов дано по Далю.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ: Карта путешествия Афанасия Никитина.

В тексте—4 иллюстрации, заставки и концовки.

КАРТА

путешествия Афанасия Никитина (1466—1472 гг.)

——— Путь в Индию

– – – – Обратный путь на Русь

000168982

Цена 1 руб.

